

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.12>

UDC 94(470.45)“1920/1930”:355.65.004.4
LBC 63.3(2P-4Вор)614-2

Submitted: 04.02.2021
Accepted: 24.02.2021

FOOD SUPPLY TO THE RESIDENTS OF STALINGRAD DURING THE PERIOD OF INDUSTRIALIZATION (LATE 1920s – MID-1930s)¹

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article examines the problem of food supply for the residents of Stalingrad in the late 1920s – mid-1930s, i.e. during the period of industrialization. *Methods and materials.* The authors use the historical-descriptive (idiographic), historical-genetic, historical-comparative methods, as well as quantitative methods in the study of statistical sources. In the course of the research, documentary materials of the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archives of Volgograd Region, and the Center for Documentation of the Contemporary History of Volgograd Region were used to illustrate the main methods and directions for resolving the food problem in the city of Stalingrad in the late 1920s – first half of the 1930s. *Analysis and results.* The first five-year plan brought to citizens a sharp deterioration in food supply. Having refused to take economic measures the city authorities were forced to introduce a standardized distribution on the ration books of workers' cooperatives. In 1931, Stalingrad as an important industrial center was included by the government in the list of the cities, which were supplied with basic products in a centralized manner. However, problems with food remained until the abolition of the card system in 1935. Interruptions in the supply of even standardized products, giant queues for them were the result not only of insufficient allocation of resources, but also of the unwillingness of the cooperative and state trade system to work effectively in the new conditions. The city's population also grew too rapidly due to the peasants fleeing from the countryside, which contributed to the food shortage. The creation of subsidiary farms at large enterprises, the organization of collective farm fairs also did not lead to a noticeable result. The goal stated in the resolution of 1931 to bring the food supply of Stalingrad workers closer to the level of Moscow and Leningrad turned out to be unattainable. Some improvements in the food situation occurred only in autumn 1934, when a good harvest allowed the government to fulfill the state supplies, but the problem was never completely solved.

Key words: industrialization in the USSR, late 1920s – mid-1930s, Stalingrad, Lower Volga, food supply, card system, famine.

Citation. Lunochkin A.V., Furman E.L. Food Supply to the Residents of Stalingrad During the Period of Industrialization (Late 1920s – Mid-1930s). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 2, pp. 157-170. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.12>

УДК 94(470.45)“1920/1930”:355.65.004.4
ББК 63.3(2P-4Вор)614-2

Дата поступления статьи: 04.02.2021
Дата принятия статьи: 24.02.2021

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СТАЛИНГРАДА В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (КОНЕЦ 1920-х – СЕРЕДИНА 1930-х гг.)¹

Андрей Валентинович Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема снабжения продовольствием жителей г. Сталинграда в конце 1920-х – середине 1930-х гг., то есть в период индустриализации. Первая пятилетка принесла горожанам резкое ухудшение продовольственного снабжения. Отказавшись от экономических мер, городские власти вынуждены были ввести нормированное распределение по заборным книжкам рабочих кооперативов. В 1931 г. Сталинград как важный промышленный центр был включен правительством в число городов, снабжавшихся основными продуктами в централизованном порядке. Однако проблемы с продовольствием оставались до самой отмены карточной системы в 1935 году. Перебои со снабжением даже нормированными продуктами, гигантские очереди за ними стали следствием не только недостаточного выделения ресурсов, но и неготовности системы кооперативной и государственной торговли к эффективной работе в новых условиях. Одной из причин нехватки продовольствия можно считать слишком быстрый рост населения города за счет бегущих из деревни крестьян. Создание подсобных хозяйств на крупных предприятиях, организация колхозных ярмарок также не привели к положительному результату. Заявленная в постановлении 1931 г. цель приблизить продовольственное снабжение рабочих Сталинграда к уровню Москвы и Ленинграда оказалась недостижимой. Некоторое улучшение положения с продовольствием произошло только осенью 1934 г., когда хороший урожай позволил селу выполнить государственные поставки, но полностью проблема так и не была решена.

Ключевые слова: индустриализация в СССР, конец 1920-х – середина 1930-х гг., Сталинград, Нижняя Волга, продовольственное снабжение, карточная система, голод.

Цитирование. Луночкин А. В., Фурман Е. Л. Продовольственное снабжение жителей Сталинграда в период индустриализации (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 157–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.2.12>

Введение. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. население Сталинграда, как и других промышленных центров, столкнулось с серьезными проблемами в снабжении, прежде всего продовольственными товарами. Это было вызвано сворачиванием новой экономической политики, переходом к форсированной индустриализации и началом сплошной коллективизации сельского хозяйства. Львиная доля продукции сельского хозяйства, прежде всего зерна, уходила государству, минуя местные рынки. Быстрая урбанизация существенно увеличила число потребителей сельхозпродукции в городах и сократила число ее производителей. Наконец, ограничение и ликвидация частной торговли привели к тому, что кооперативная и государственная сеть просто не справлялась с новыми масштабами снабжения. С конца 1920-х гг. стал складываться новый порядок снабжения, основанный не на рыночных, а на распределительных принципах. На примере Сталинграда можно установить, насколько эффективной оказалась эта система снабжения, какие проблемы были вызваны ее коренными недостатками, а какие – просчетами исполнителей.

В научной литературе тема продовольственного кризиса рубежа 1920-х – 1930-х гг. по понятным причинам стала привлекать внимание только в постсоветское время. В рабо-

тах Е.А. Осокиной [13], Ю.М. Иванова [6], С.П. Стеблева [24], Л.А. Дударь [5] рассмотрено немало аспектов этой темы: ликвидация частного сектора в торговле, складывание и функционирование распределительной системы в масштабах всего СССР. Интересна работа С.А. Нефедова, сопоставившего данные статистики о потреблении продуктов с калорийностью [10]. В то же время исследований, посвященных специально продовольственному снабжению и в целом социально-экономической жизни населения Сталинграда в этот период, до сих пор не появилось.

Цель данной статьи – выяснить, как осуществлялось продовольственное снабжение населения Сталинграда на этапе перехода от новой экономической политики к планово-централизованной модели экономики и насколько эффективной оказались принимавшиеся центральными и местными властями меры. Это позволит существенно дополнить наши представления о социально-экономическом развитии и повседневной жизни советских людей в период индустриализации.

Методы и материалы. В настоящем исследовании применялись историко-описательный (идиографический), историко-генетический, историко-сравнительный методы, а также количественные методы при изучении статистических источников. В работе были

использованы постановления высших органов партии и государства по продовольственному снабжению, хранящиеся в фонде Политбюро ЦК ВКП(б) в Российском государственном архиве социально-политической истории (ф. 17). Неопубликованные источники, использованные в данной работе, находятся в Государственном архиве Волгоградской области в фондах Сталинградского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-71), Нижне-Волжского крайисполкома (ф. Р-313), а также в Центре документации новейшей истории Волгоградской области в фондах Сталинградского городского комитета ВКП(б) (ф. 71) и городской контрольной комиссии. Это постановления органов власти, делопроизводственная документация, результаты проверок организации распределения продовольствия, переписка между различными учреждениями. Многие распоряжения и приказы властей, не сохранившиеся в архивах, критические заметки о перебоях с различными продуктами можно найти на страницах прессы. Поэтому в данной работе использовались материалы местных газет – окружной и городской «Борьбы», краевой «Поволжской (Сталинградской) правды». Большое значение для выяснения подробностей продовольственного снабжения и настроения населения Сталинграда имеют информационные сводки и обзоры, составлявшиеся ОГПУ для высшего руководства страны и опубликованные в 2000-х гг. [21], а также материалы из многотомного сборника «Голод в СССР. 1929–1934» [4].

Анализ. Продовольственное снабжение Сталинграда даже в период «классического нэпа» не отличалось стабильностью. Ближайшие окрестности города из-за засушливого климата и малоплодородной почвы были заселены слабо, и он зависел от поставок продовольствия из отдаленных местностей. Достаточно было небольшого сбоя в логистике, и продуктовый рынок начинало лихорадить. Городские власти с трудом решали проблемы экономическими методами, привлекая для закупок дополнительные средства [9].

С началом первой пятилетки проблема с продовольственным снабжением горожан резко обострилась. Кризис хлебозаготовок 1927 г. заставил местные власти широко при-

менять административные методы для выполнения плана закупок зерна. Повсеместно запрещался самостоятельный вывоз хлеба, крестьян принуждали сдавать зерно государству, несмотря на невыгодные цены. Однако план заготовок не был выполнен [13, с. 55–57]. Поступление продовольствия на рынок Сталинграда существенно сократилось. В отчете Объединенного государственного политического управления при СНК СССР (далее – ОГПУ СССР) о политическом состоянии страны за февраль 1928 г. Сталинград был назван в числе городов, где «положение по хлебу» достигло особенной остроты [21, т. 6, с. 102, 110].

Чтобы хоть как-то упорядочить снабжение, уже в июне 1928 г. в Сталинграде было введено нормированное распределение хлеба. По специальным заборным книжкам право покупки имели только члены кооперативов – по 800 г в день для рабочих, 600 г для служащих. Это означало фактическое введение карточной системы [21, т. 6, с. 321]. Однако, несмотря на эти меры, перебои со снабжением хлебом в Сталинграде остались, в июле 1928 г. очереди за хлебом достигали 300–600 человек. Среди рабочих в связи с этим наблюдались «забастовочные настроения» [21, т. 6, с. 383].

В феврале 1929 г. карточная система была официально распространена на всей территории страны. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 февраля установило жесткие нормы выдачи хлеба, которые ранее определялись местными властями. Для Сталинграда, как и для большинства промышленных городов, норма составила 600 г в день для рабочих и 300 г для членов их семей, служащих и безработных [13, с. 66]. Но хлеба даже по этим нормам все равно не хватало. По сводке ОГПУ, «в Сталинграде 1 апреля толпа человек в 250, главным образом нетрудового элемента, под руководством бывшего члена ВКП(б) – инвалида Красной армии в течение двух часов у закрытого хлебного магазина требовала выдачи хлеба» [21, т. 7, с. 176].

Хлеба не хватало и для снабжения рабочих на предприятиях. Так, 10 апреля 1929 г. председатель окружного отделения профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности Лещенко (в документе инициалы не указаны) писал в Сталинградский гор-

совет: «Дополнительный пай хлеба для рабочих заводов Электролес неожиданно без предупреждения 9.04 Центральным рабочим кооперативом (далее ЦРК. – А. Л., Е. Ф.) был прекращен, рабочие, вышедшие на работу, остались без хлеба, а в ночной смене вынуждены были обеденный перерыв отложить на полчаса, что вызвало ряд негодований со стороны рабочих и отразилось на производительности труда, то же самое произошло и в Бекетовском районе (рабочий пригород. – А. Л., Е. Ф.). Хлеба совсем не доставало, причем доставленный хлеб выдавался не на 10–15 коп, а на 5 коп., громадные очереди. Со стороны ЦРК никаких мер не принимается к устранению очередей. Настроение рабочих – комментарию излишни» [23, л. 113].

Частный сектор отреагировал на трудности со снабжением населения хлебом предсказуемо – ростом цен. Но, несмотря на высокие цены, горожане предъявляли повышенный спрос на хлеб и на рынке. В феврале 1929 г. возник ажиотажный спрос из-за публикации в окружной газете «Борьба» статьи «Экономнее расходовать хлеб», где речь шла о необходимости наведения порядка в списках получателей хлебных карточек. Кто-то пустил слух, что хлеб будет отпускаться «только трудовому элементу». В результате, как докладывал начальник милиции 2-го района, «население района бросилось усиленно запасать хлеб, отчего у хлебных магазинов и на базаре 2-й части у крестьянских возов с мукой и зерном создались огромные очереди. У крестьян на разрыв покупают муку и зерно, хватаясь по 10 и более человек за один и тот же мешок. Причем в очередях создаются всевозможные скандалы и недоразумения. Справиться с указанным явлением работники милиции не в силах» [23, л. 89].

Помимо хлеба в дефиците оказались почти все основные продовольственные товары. На них, в первую очередь на сахар, крупы, мясо, молоко, также постепенно вводилось нормирование снабжения. Напряженное положение с продовольствием продолжалось и на протяжении всего 1929 года. Местные власти, очевидно, не справлялись со снабжением своего населения, и наиболее тяжелая ситуация наблюдалась в крупных промышленных центрах, таких как Сталинград. Руководство

страны пришло к идее централизации продовольственного снабжения для индустриальных центров. Подтянув их снабжение продуктами до уровня Москвы и Ленинграда, правительство надеялось успокоить возмущение рабочих провинциальных городов. В январе 1930 г. вышло постановление Совета труда и обороны СССР (далее – СТО СССР) «О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами». В нем был определен список из 12 крупнейших индустриальных городов, начиная с Москвы и Ленинграда, а также двух промышленных районов (Урала и Донбасса), для них выделялись «твердые фонды, обеспечивающие снабжение рабочих этих городов и их семей». В этот список попал и Сталинград. Правда, централизованное снабжение распространялось только на три главных вида продуктов – хлеб, мясо и рыбу. СТО СССР пошел даже на увеличение норм выдачи хлеба. На второе полугодие 1929/30 сельскохозяйственного года (то есть на первое полугодие календарного 1930 г.) они были повышены до 800 г в день для рабочих и 400 г для членов их семей. По мясу, напротив, нормы для рабочих были снижены со 150 г в день до 100. Годовая норма по снабжению рыбой составила 21 кг [12]. К постановлению прилагалась справка с данными статистики о годовом приобретении продуктов питания семейными рабочими в 1928/29 г. и о предполагаемом потреблении в 1929/30 г. (на душу члена семьи). Приведем их по Сталинграду в сравнении с Москвой в таблице 1.

Как можно видеть, потребление основных продуктов питания рабочими Сталинграда, несмотря на нормированное снабжение, существенно уступало столице почти по всем показателям. Сталинградцы получали меньше москвичей даже рыбу, несмотря на свое жительство на берегу великой реки. Больше, чем жители Москвы, они потребляли только овощи, картофель (незначительно) и хлеб. Новый порядок не менял такое положение. Введение централизованного снабжения рыбой и мясом не ликвидировало этого отставания, а по хлебу и вовсе планировалось резкое сокращение его потребления [12].

Поступление других продовольственных товаров, не находившихся на централизованном

снабжении, происходило с большими проблемами, несмотря на их нормирование. Так, в январе 1930 г. норма отпуска сахара для служащих была сокращена до 500 г в месяц. Рабочие и дети получали по 1 кг сахара, взрослые члены семьи рабочих – 500 граммов. На пленуме торгово-кооперативной секции горсовета обращалось также внимание на «ограниченность завоза для города макаронных изделий» [23, л. 69]. 23 февраля 1930 г. заместитель председателя окружного исполкома А.Я. Гринштейн направил в краевой исполком в Саратов телеграмму, больше похожую на сигнал бедствия: «Положение снабжением Сталинграда сельхозпродуктами: масло животное потребность квартал 150 тонн 7 тире 8 молоко потребность месяц 11 тыс. центнеров получаем только 53 центнера яйцо потребность квартал 39 вагонов получаем 7 овощи имеют перебои всем видам кроме картофеля положение хлебом обеспечено пределах установленных норм крупы нормам недостает месяц 4 тире 5 вагонов растительным маслом перебои все время тчк» [8].

Было очевидно, что существующая система снабжения населения продовольствием через рабочие кооперативы не справляется со своей задачей. Выход виделся в организации распределителей, закрытых для посторонних. Осенью 1930 г. в Сталинграде были организованы 12 закрытых распределителей с охватом 207 тыс. чел. рабочих, служащих и чле-

нов их семей [8, л. 425 об.]. Однако и там наблюдались большие сложности со снабжением. Даже работники милиции жаловались на «неудовлетворительность снабжения, несмотря на наличие закрытого распределителя, который снабжается Горрабкоопом (городской рабочий кооператив. – А. Л., Е. Ф.) максимум одной десятой частью установленных норм, и то не всеми, а некоторыми видами продуктов» [16].

Декабрьский объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 1930 г. выдвинул в качестве главной задачи создание самостоятельных закрытых кооперативов при крупнейших предприятиях [5, с. 1061]. В соответствии с этим в январе 1931 г. Сталинградский Центральный рабочий кооператив был разукрупнен, и из него были выделены три самостоятельных закрытых рабочих кооператива (ЗРК) – группы заводов Металлопромышленности, Союзнефть и Лесобазы [15].

В январе 1931 г. вышло постановление наркомата снабжения СССР «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 г.», в соответствии с которым 20 апреля 1931 г. Президиум горсовета принял постановление «О выдаче новых заборных листков трудящимся г. Сталинграда». С 1 мая все предприятия города делились на 3 списка. В список № 1 вошли 31 наиболее крупный завод и строительная организация –

Таблица 1. Годовое потребление продуктов питания семейными рабочими на одного члена семьи

Table 1. Annual food consumption by family workers per family member

№ п/п	Наименование	г. Москва		г. Сталинград	
		1928/29	1929/30	1928/29	1929/30
1	Хлеб, кг	174,0	195	226,3	171,6
2	Крупа, кг	15,9	17	9,8	15,2
3	Картофель, кг	62,8	70	70,5	Пропуск
4	Овощи, кг	38,9	43	43,8	48,3
5	Сало, мясо и колбаса	48,2	49,1	44,3	40,2
	В том числе: мясо	32,1	33,0	31,0	26,9
	колбаса, сало	16,1	16,1	13,3	13,3
6	Рыба и сельди	11,8	24	8,5	21
7	Молоко	58,6	64	41,7	41,7
8	Масло коровье	3,95	5,4	1,0	3,0
9	Яйцо	4,12	5,5	1,7	3,48
10	Масло растительное	3,46	5,0	5,6	3,2
11	Сахар	18,9	18,0	11,6	12
12	Кофе, чай и пр.	0,5	0,6	0,8	0,6

от Тракторного завода до Водоканалстроя. В списке № 2 оказалось 36 менее значительных предприятий – от городского водопровода до консервной фабрики. Остальные попали в список № 3. Население так же, как и по всей стране, делилось на группы: А (индустриальные рабочие), Б (прочие рабочие физического труда и приравненные к ним), В (служащие и прочие трудящиеся). Внутри групп выделялись сами рабочие и члены их семей. Особо стояли учащиеся и дети до 12 лет [1, 1931, 23 апр.].

Осенью 1931 г. нормы снабжения хлебом выглядели иначе (см. табл. 2) [1, 1931, 8 окт.].

Помимо распределения на списки по заводам, внутри каждого предприятия рабочие ранжировались дополнительно. В первую очередь даже нормированными товарами снабжались ударники производства, за ними шли те, кто отработал на данном предприятии более года, и в третью очередь карточки отоваривались новичкам.

Кроме хлеба по литерным талонам карточек распределялись еще 15 наименований товаров: крупа (в том числе макаронные изделия), сахар, мясо, рыба свежая и соленая, масло растительное, маргарин, коровье масло, консервы, молоко и сливки, яйца, чай, кондитерские изделия, табачные изделия, мыло хозяйственное и мыло туалетное [1, 1931, 8 окт.].

Центральное место в организации снабжения продовольствием занимала кооперация. В обращении Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и Центрального союза потребительских обществ СССР (далее – Центросоюз) «О потребительской кооперации» от 10 мая 1931 г. подчеркивалось, что доля государственной

розничной торговли не должна превышать 30–35 %. Все остальное занимала кооперативная торговля [11, с. 303]. В это же самое время сокращался и частный рынок. Городские торговцы массово закрывались вследствие очередного повышения налогов и безжалостного взыскания недоимок прошлых лет. Крестьянский привоз в связи с развернувшейся коллективизацией также значительно упал.

Тяжелым было положение и с мясом, хотя план мясного снабжения Сталинграда итак был сокращен с 8 300 до 7 200 тонн. Бюро окружкома ВКП(б) на заседании 26 февраля 1930 г. решило «срочно поставить вопрос перед краевыми органами о прекращении вывоза скота» за пределы округа, так как это ставило под угрозу снабжение Сталинграда [23, л. 93]. В июле 1930 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) по всей стране была официально введена карточная система на мясо. Но мяса в окрестностях Сталинграда почти не было. В сентябре 1930 г. заготовки мяса для города были выполнены только на 51,2 % плана, в результате «индивидуальное потребление было удовлетворено лишь частично в рабочих районах» [8, л. 425]. Цены на рынке значительно выросли, однако несмотря на это везде стояли длинные очереди, доходящие у отдельных торговцев до 200 человек [21, т. 8, ч. 2, с. 1052–1060]. Положение не изменилось и дальше. В отчете горсовета отмечалось: «На рынке острый недостаток животных жиров и молочных продуктов. Аналогичное положение создано во 2-м квартале с мясом. Чрезвычайно ограниченные фонды промтоваров, особенно по растительному маслу, кожаной обуви, мылу, макаронам, табачным изде-

Таблица 2. Нормы снабжения хлебом в Сталинграде в октябре 1931 г.

Table 2. Norms of bread supply in Stalingrad in October 1931

№ п/п	Категория карточек	Норма на день, г
1	По карточкам сезонников	1 000
2	Рабочие I-A (1-й и 2-й списки)	800
3	Рабочие I-A (3-й список)	750
4	Подсобные рабочие I-B, 1, 2 и 3-го списков	600
5	Иждивенцы рабочих II-A, 1-го, 2-го списков	400
6	Иждивенцы рабочих II-A, 3-го списка	350
7	Служащие и иждивенцы служащих II-B	300
8	Студенческие	600
9	Детские	400

лиям и т. д., которые не дают даже нормального обеспечения потребностей по установленным в порядке централизованного снабжения нормам» [8, л. 234].

Между тем население города росло быстрее, чем это предусматривалось планами. По материалам Сталинградского городского отдела статистики, миграционный прирост населения составил 13 957 чел. за полугодие с 1 апреля по 1 октября 1929 г. и 22 452 чел. за полугодие с 1 октября 1929 г. по 1 апреля 1930 г., то есть 35 419 чел. за год. Это составило около 19 % механического прироста вместо 8 % по контрольным цифрам [8, л. 234].

Карточная система не избавила горожан от проблем. Даже при наличии в городе достаточных запасов узким местом оставалась торговля. В начале апреля 1930 г. у хлебных лавок ЦРК, по донесениям ОГПУ, образовывались очереди в 1 000 и 2 500 человек «благодаря головопьянству и нераспорядительности работников» [21, т. 8, ч. 2, с. 913–914].

Перебои с хлебом стали обычным явлением. Вот типичная сводка ОГПУ от 13 сентября 1930 г.: «20 августа половина рабочих-монтажников Энергостроя осталась без хлеба. 21-го хлеб вовсе не был доставлен. ... Союзнефть получает в сутки 800 кг вместо 1 350 кг. Рабочий поселок им. Рыкова и “Баррикады”. Вместо 5 часов утра хлеб доставляется в 2 часа дня и позже. Очереди у ларьков собираются с 12 час. ночи, достигая 300 чел. Беспорядок, давка приводят к обморокам женщин. Очереди за молоком у магазина № 19 простаивают круглые сутки. Продавцы не знают, будет ли доставлено молоко, и очереди часто стоят совершенно впустую. В Заполотновском рабочем районе Сталинграда очереди за картофелем достигают 200 чел. и больше. Обычно не менее трети уходит, не получив товара» [21, т. 8, ч. 2, с. 1052–1060]. 21 мая 1931 г. вышел специальный приказ Сталинградского горсовета № 59, гласивший: «Завгорторготделом т. Неймарк (в документе инициалы отсутствуют. – А. Л., Е. Ф.) под личную ответственность предлагается в 3-дневный срок окончательно ликвидировать очереди населения за хлебом во всех без исключения магазинах и ларьках г. Сталинграда, создав условия бесперебойного снабжения населения хлебом на будущее время» [1, 1931, 22 мая]. Однако даже столь

грозные решения ничего не могли исправить. 28 мая в окружной газете появилась заметка с неутешительным заголовком «Снова растут очереди за хлебом».

Причина очередей заключалась не только в нехватке зерна и муки, но и в отставании возможностей по выпечке хлеба и его продаже. Так, постановлением горсовета № 16 от 11 июня 1931 г. «в качестве временной меры и в целях создания запаса печеного хлеба» торговым организациям предписывалось на 10 дней вперед отоваривать карточки категории В (то есть служащим) «взамен печеного хлеба мукой – 50 % ржаной и 50 % пшеничной» [1, 1931, 13 июня]. Проблема с выпечкой постепенно решалась после ввода в строй новых крупных хлебозаводов в заводских районах, но давала сбой система завоза печеного хлеба в магазины. Постоянно не хватало транспорта, завоз хлеба осуществлялся без всякого графика, и люди ждали у лавок по несколько часов [1, 1931, 3 июня].

Иногда объяснения властей выглядели просто беспомощно. В августе 1931 г. Сталинградский городской отдел снабжения (далее – горснаботдел) разъяснял через прессу, что полное отсутствие белого хлеба в последние два дня «было вызвано исключительно несвоевременной высылкой дрожжей, которые Сталинград получает из Витебска» [1, 1931, 8 авг.]. Виновными в перебоях с хлебом объявлялись торговые работники. В октябре 1931 г. 20 продавцов и заведующих хлебными лавками были привлечены к суду «за расхищение хлеба, самоснабжение и “блат”» [1, 1931, 1 окт.]. Прикрепленный контингент постоянно рос, проверки и чистки давали лишь временный эффект. Секретарь горкома ВКП(б) С.О. Виксин² признавался на III городской партконференции в январе 1932 г.: «В августе мы провели перерегистрацию и обнаружили около 30 тыс. лишних карточек, сняли эти карточки, договорились, что нужно установить такой порядок, чтоб больше этого разбазаривания карточек не было. Затем в декабре этот контингент опять вырос до 380 тыс. чел. Крайком начал нас по заслугам терзать. Взялись второй раз за перерегистрацию. Обнаружили опять излишних карточек на 35 тыс., дающих перерасход хлеба в месяц 250 тонн» [1, 1932, 21 янв.].

Городские власти не были в состоянии исполнить даже указания центральных органов. Так, по постановлению ЦК ВКП(б) и СТО СССР от 28 октября 1931 г. предусматривалось улучшение снабжения учителей. Во исполнение его президиум горсовета 30 ноября принял свое постановление: всем кооперативным организациям, к сети которых были прикреплены для снабжения учителя, «снабжать их положенными нормами продуктов и промтоваров по первому списку А, а членов семьи учителя – по второму списку А» [2]. Через месяц коллегия городской рабоче-крестьянской инспекции отметила, что ничего в этом отношении не сделано, и еще раз постановила, что учителя всех местных учебных заведений должны снабжаться по нормам, «установленным для рабочих первого списка» [17, л. 3]. Из сохранившихся документов неясно, было ли выполнено это постановление. Но 28 февраля 1932 г. вышло новое – о снижении норм выдачи хлеба получателям 2-го и 3-го списков на 100–50 г в день. Наибольшее снижение произошло для студентов – с 600 до 400 г и рабочих 3-го списка – с 750 до 600 г [1, 1932, 29 февр.]. Видимо, это постановление было признано в верхах политически неправильным, и уже 8 марта оно было отменено «в связи с окончательным уточнением фондов хлеба». Правда, старые нормы вернули не всем категориям. Сезонники стали получать 800 г вместо 1 000, студенты так и остались с 400 г в день [1, 1932, 10 мар.]. Однако возможности города по-прежнему не могли удовлетворить всех прикрепленных. 23 апреля 1932 г. вышло беспрецедентное постановление горснаботдела: «В связи с большим перерасходом хлеба в I квартале, вследствие чего уже сейчас не додается часть хлеба ларькам и многие рабочие отдельных предприятий иногда по несколько дней не имеют возможность получить хлеба» – не производить 27 и 29 апреля «отпуск хлеба трудящимся 3-го списка и служащим, кроме детей, обратив экономию хлеба за эти два дня на больший отпуск лавкам в остальные дни между 26-м и 30-м апреля» [1, 1932, 23 апр.].

С целью улучшения организации снабжения рабочих по постановлению ЦК ВКП(б) от 1 ноября 1932 г. «О расширении функций заводоуправлений в деле снабжения рабочих и

изменении карточной системы» вместо ЗРК на крупных предприятиях (в Сталинграде – Тракторный завод, «Баррикады» и «Красный октябрь») создавались подчиненные администрации завода Отделы рабочего снабжения (ОРС). На остальных предприятиях ЗРК также поступали в подчинение заводоуправлениям, оставаясь формально в системе кооперации. Одной из целей новой системы стало усиление контроля за выдачей заборных книжек. Теперь они должны были выдаваться в цехах табельщиками или кассирами только по платежным ведомостям. Вновь принятым на работу новые книжки выдавались только после предъявления справки с прежнего места работы или жительства о сдаче старых [19, л. 32, 34].

В конце 1932 г. в связи с голодом в сельской местности ситуация со снабжением хлебом стала критической. В ноябре перебои с выдачей хлеба по карточкам доходили до двух дней [4, т. 2, с. 161]. Положение выглядело совсем тяжелым, если учесть, что торговля хлебом и мукой на рынках была фактически запрещена. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 ноября 1932 г., до полного выполнения краем или областью плана хлебозаготовок торговля зерном, мукой или печеным хлебом на базарах в количестве свыше пуда рассматривалась как злостная спекуляция, излишки подлежали конфискации [4, т. 2, с. 224]. Секретарь Нижневолжского крайкома партии В.В. Птуха³ обратился в СТО СССР с просьбой увеличить в январе план хлебоснабжения края на 1,9 тыс. тонн. Ему было отпущено лишь 1 тыс. тонн, и то авансом в счет будущих закупок хлеба у населения [18]. В результате по постановлению Президиума Сталинградского горсовета в январе 1933 г. пришлось еще раз менять нормы снабжения хлебом (см. табл. 3).

Студенты получали по 300 г хлеба [1, 1933, 1 янв.]. Как видно из постановления, категории «прочих», «служащих» и «ниждивенцев» с нормой в 200 и даже 100 г в день фактически становились на грань выживания.

Кроме созданных трудностей по поставкам хлеба и мяса, коллективизация больно ударила по снабжению овощами. Весной 1930 г., предвидя грядущие сложности со снабжением города овощами, Сталинградский окруж-

ной исполком принял решение об организации «рабочих огородов» на пригородных землях. Для этого было изъято 150 га земли из Краснослободского земельного общества на левом берегу Волги и 150 га на Сарпинском острове. Земля распределялась между предприятиями [25, л. 11]. Но проблемы с заготовкой овощей от этого не уменьшились. Так, на 18 августа по линии потребкооперации было заготовлено всего 2 % от плана. В горсовете была создана чрезвычайная комиссия по заготовке овощей, введена «разверстка по заготовке картофеля и капусты» [25, л. 42]. Несмотря на это в сентябре потребкооперацией было заготовлено для снабжения города 3 518 т овощей, или 12,4 % плана, что не решало проблему заготовок овощей на зиму [8, л. 425].

Весной 1931 г. началось создание «рабочих пригородных хозяйств» предприятий. Восемь кооперативных хозяйств обеспечили в этом году по установленным нормам 44 % потребности города по овощам и 15 % по картофелю. Впрочем, даже заготовленные овощи доходили до потребителя не в полном объеме. Так, в ЗРК завода «Красный Октябрь» сгнило 100 т картофеля, по заводам треста «Волго-Каспий-лес» из заготовленных 145 т к длительному хранению оказались пригодны только 24 т по причине несвоевременной сортировки [17, л. 5, 6]. Для увеличения производства овощей постановлением Сталинградского горкома ВКП(б) от 16 октября 1931 г. все пригородные совхозы и колхозы закреплялись за крупными городскими предприятиями. В посевную кампанию 1932 г. планировалось расширить площадь по овощам до 8 844 га – вместо 413 га в 1930 г. [20, л. 229].

В связи с невозможностью удовлетворить все продовольственные потребности горожан только из государственных фондов, в январе 1932 г. III городская Сталинградская конференция ВКП(б) приняла решение развер-

нуть работу девяти «советских базаров» и совхозно-колхозных лавок, где производители могли напрямую продавать свои продукты [20, л. 229]. Такие базары были устроены на берегу Волги у городского перевоза (для колхозов Волго-Ахтубинской поймы), а также во всех заводских районах. Правда, обремененные обязательными государственными поставками колхозы и совхозы снаряжали обозы на «совбазары» лишь под прямым административным нажимом. Так, открытие базара 28 июня в Ерманском районе Сталинграда сорвалось из-за отсутствия желающих торговать [3]. Минусом «совбазаров» для населения была их эпизодичность, а также обилие перекупщиков. Тем не менее эти ярмарки давали горожанам возможность закупить хоть какое-то количество продовольствия по ценам, чуть ниже рыночных. Осенью 1932 г. в городе работало 13 «совбазаров», в январе 1933 г. была организована краевая сельскохозяйственная ярмарка. На нее прибыло около 1 400 колхозных подвод с продуктами [14, 1933, 11 янв.].

Голод 1932–1933 гг. привел к новому массовому наплыву крестьян в города. Полномочный представитель ОГПУ по Нижне-Волжскому краю писал своему руководству: «Большинство фактов голодания в городах падает на элемент, самотеком прибывший из деревни». Кампания по «очистке основных промпредприятий от кулацких и социально чуждых элементов» также привела к появлению на улицах Сталинграда большого количества «бродячего, нищенствующего элемента». В марте 1933 г. в стройконторе при заводе «Баррикады» было сокращено 150 рабочих-сезонников. Оставшиеся без квартиры и карточек, они бродили по улицам и занимались нищенством [4, т. 2, с. 420]. Возросла преступность. По сведениям ОГПУ, «наряду с большим количе-

Таблица 3. Нормы снабжения хлебом в Сталинграде в январе 1933 г.

Table 3. Norms of bread supply in Stalingrad in January 1933

Категория снабжения	Рабочие	Подсобные рабочие	Прочие трудящиеся (в том числе служащие)	Иждивенцы	Дети
Заводы «Красный Октябрь», СТЗ, «Баррикады», «Электрорес»	800 г	500 г	300 г	Не указано	400 г
Остальные предприятия списка № 1	700 г	400 г	200 г	Не указано	300 г
Список № 2	500 г	400 г	200 г	100 г	300 г
Список № 3	400 г	300 г	200 г	100 г	300 г

ством мелких краж продуктов и хлеба отмечен ряд вооруженных бандитских налетов на пекарни и продсклады, причем бандиты берут только муку и хлеб» [4, т. 2, с. 522–523].

Отчасти спрос населения на дефицитные товары удовлетворял торгующий за инвалюту, золото, серебро и антикварные ценности магазин Торгсина. Он открыл свои двери 28 июля 1932 г. и к апрелю 1933 г. имел 5 торговых точек, 5 скупных пунктов и одну межрайонную базу. В системе Торгсина можно было купить не только промышленные товары, но и продовольственные – хлебобулочные изделия, крупы, муку, винно-гастрономические товары [7, л. 93]. Для граждан, не имевших валюты и драгоценных металлов, почти единственным стабильным источником снабжения являлись государственные коммерческие магазины, число которых постоянно росло. Только осенью 1933 г. в городе было открыто 15 таких магазинов [14, 1933, 18 сент.]. Пшеничный хлеб стоил в коммерческом магазине 3,50–4 руб. за кг, ржаной – 2–2,50 руб., в то время как пайковая цена даже после резкого повышения в августе 1933 г. составляла 60 коп. за кг пшеничного и 35 коп. за кг ржаного хлеба. Количество граждан, зависевших от коммерческого хлеба, было так велико, что, когда в мае 1934 г. по городу стали распространяться слухи о скором прекращении его продажи, руководство было вынуждено опровергать их через газету [14, 1934, 27 мая].

Положение со снабжением продовольствием заметно улучшилось только в 1934 г., когда хороший урожай дал возможность колхозам выполнить государственные поставки. В сентябре 1934 г. сталинградские хлебозаводы, до того выпускавшие только хлеб, приступили к выпечке булочных изделий. Открывались специальные ларьки, где продавались почти забытые большинством населения французские булки, плюшки, булочки и баранки [14, 1934, 6 сент.]. С 1 января 1935 г. карточная система на хлеб, муку и крупы была отменена по всему СССР. Одновременно устанавливались новые цены на продукты питания, выше карточных. Так, в Сталинградском крае ржаной хлеб стал стоить 90 коп. за кг, пшеничный в зависимости от сорта муки – 1 руб. и 1 руб. 80 коп. за кг [14, 1934, 8 дек.]. Сахар, картофель, мясо, сельдь и жиры (кро-

ме растительных) по-прежнему остались нормированными и распределялись по спецталонам. Невелики были и объемы продуктов, выделявшихся для свободной продажи. Так, на I квартал 1935 г. на весь Сталинград было отпущено 3 700 кг сыра, или около 40 кг в день, для 400-тысячного населения это была капля в море [14, 1935, 10 янв.].

Демонстрацией улучшения положения с продовольствием стало открытие в 1935 г. нескольких образцово-показательных магазинов, первым из которых стал «Гастроном». В великолепном помещении с витринами из стекла и никелированного металла публике в день открытия 8 июня предлагалось 22 вида колбас, 17 видов булочных изделий и 50 кондитерских, 39 видов бакалейных товаров. Правда, праздник открытия магазина был испорчен большим количеством покупателей, съехавшихся со всего города. В бакалейно-кондитерском отделе возникла огромная очередь с давкой за обыкновенным пшеном, которое далеко не всегда имелось в обычных магазинах [22, 1935, 9 июня].

Окончательно карточная система была отменена с 1 октября 1935 г., когда началась свободная продажа последних нормированных товаров – мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. Отмена карточной системы символизировала стабилизацию продовольственного снабжения населения. Однако, как показывают современные исследования, уровень потребления в СССР даже в конце 1930-х гг. оставался ниже, чем в годы нэпа. По подсчетам С.А. Нефедова, калорийность питания рабочих в 1930-х гг. увеличилась на 5 %, но это произошло за счет увеличения потребления хлеба (на 11 %) и картофеля (на 13 %). Потребление же мяса уменьшилось на 30 %, а молока – в два раза [10, с. 77–78]. Пример Сталинграда в целом подтверждает этот вывод.

Результаты. Начало индустриализации оказалось связано с резким ухудшением продовольственного снабжения. Сломав рыночные механизмы, центральные и местные власти вынуждены были вернуться к практике «военного коммунизма» – карточной системе. Благодаря своему промышленному значению, Сталинград был включен в число городов, в значительной степени снабжавшихся основными продуктами из центральных фондов.

Однако это не избавило горожан от проблем. Перебои со снабжением даже нормированными продуктами, гигантские очереди за ними стали следствием не только недостаточного выделения ресурсов, но и неготовности всей системы кооперативной и государственной торговли к работе в условиях отсутствия частного сектора. Попытки местных властей организовать подсобные хозяйства и колхозные ярмарки также оказались малоэффективными по причине отсутствия материальных стимулов. По сути, снабжение населения Сталинграда продовольствием удавалось поддерживать лишь на минимально допустимом физиологическом уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-49-340003 р_а «Сталинградцы на переломе эпох (середина 1920-х – конец 1930-х гг.): социально-экономическое положение и культурная жизнь».

The reported study was funded by RFBR and the government of Volgograd region according to the research project № 19-49-340003 r_a “Stalingraders at the turning point of the era (mid-1920s – end of the 1930s): socio-economic situation and cultural life”.

² Викснин Симон Оттович (1938–1968) – родился в Валкском уезде Лифляндской губернии в крестьянской семье. Прошел путь от батрака, рабочего прядильной фабрики до председателя Нижневолжской краевой контрольной комиссии ВКП(б), работал начальником краевого управления Рабоче-крестьянской инспекции (1928–1931), ответственным секретарем Сталинградского горкома ВКП(б) Нижневолжского края (1931–1934), первым секретарем Сталинградского горкома ВКП(б) Сталинградского края (1934–1935). В 1939 г. исключен из партии «за связь с врагами народа». В послевоенные годы работал механиком на заводе точной механики в Москве.

³ Птуха Владимир Васильевич (1894–1938) – родился в Черниговской губернии в семье служащего, окончил Петроградский горный институт, являлся активным участником революционного движения начала XX в., член РСДРП с 1917 года. Первый секретарь Сталинградского губкома ВКП(б) (1927–1928), ответственный секретарь Сталинградского окружного комитета ВКП(б) (1928–1930), с января 1931 г. – первый секретарь Нижневолжского краевого комитета ВКП(б), с января 1934 г. – первый секретарь Сталинградского крайкома ВКП(б).

Кандидат в члены ЦК ВКП(б), входил в состав особой тройки НКВД СССР. С 1935 г. – второй секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б). Арестован в 1937 г. как «враг народа», в 1938 г. расстрелян.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба : окр. газета. – Сталинград, 1931–1933.
2. Выписка из протокола № 3 Президиума Сталинградского горсовета от 30.11.1931 г. // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 601. – Л. 10.
3. Выписки из протоколов горсовета и райсоветов, протоколы штаба по советской торговле, общегородской конференции по ширпотребу и переписка по организации базаров и ярмарок // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 560. – Л. 1.
4. Голод в СССР, 1929–1934 гг. : в 3 т. – М. : Междунар. фонд «Демократия», 2011–2013. – Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. – 2012. – 907 с. ; Т. 3: Лето 1933–1934 гг. – 2013. – 955 с.
5. Дударь, Л. А. Карточная система снабжения различных категорий населения СССР в 1928–1934 гг. / Л. А. Дударь // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1061–1065. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/54476.htm> (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Иванов, Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов / Ю. М. Иванов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 28–43.
7. Информация о предварительных результатах проверки Сталинградского универмага Торгсина // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 93–105.
8. Конъюнктурный обзор состояния народного хозяйства и культуры Сталинградского округа на 1 полугодие 1929–1930 гг. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 472. – Л. 1–466.
9. Луночкин, А. В. Продовольственные кризисы в г. Сталинграде 1926–1927 гг. и городская власть / А. В. Луночкин // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 17–18 марта 2020 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, М. В. Певной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – С. 32–36.
10. Нефедов, С. А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг. / С. А. Нефедов // Вопросы истории. – 2012. – № 12. – С. 71–78.
11. Обращение СНК СССР, ЦК ВКПб и Центрального союза «О потребительской кооперации» от 10 мая

REFERENCES

1931 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. Т. 2: 1929–1940 гг. – М. : Политиздат, 1967. – С. 301–306.

12. О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами : Постановление СТО СССР от 26.01.1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 776. – Л. 31–39.

13. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 / Е. А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 271 с.

14. Поволжская правда : газета. – Сталинград, 1933–1935.

15. Постановления ВЦИКа и Горсовета о перестройке работы рабочей кооперации и общественного питания // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 534. – Л. 37.

16. Постановления, приказы горсовета г. Сталинграда, 1930–1931 гг. // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 502. – Л. 13.

17. Постановления Президиума ГорКК и коллегии РКИ по хозяйственно-политическим вопросам [1931 г.] // ЦДНИВО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1–224.

18. Постановления Совета труда и обороны о хлебоснабжении Нижне-Волжского края на январь 1933 г. // ГАВО. – Ф. Р-313. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 1–2.

19. Постановление ЦК ВКПб от 01.11.1932 г. «О расширении функций заводоуправлений в деле снабжения рабочих и изменении карточной системы» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 905. – Л. 33–44.

20. Протокол работы III городской Сталинградской конференции ВКПб Нижневолжского края, 17–21.01.1932 г. // ЦДНИВО. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 215–262.

21. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сб. док. : в 10 т. – М. : ИРИ РАН, 2001–2017. – Т. 6: 1928 г. – 2002. – 804 с.; Т. 7: 1929 г. – 2204. – 772 с.; Т. 8, ч. 2: 1930 г. – 2008. – 884 с.

22. Сталинградская правда : газета. – Сталинград, 1935.

23. Статистические сведения о состоянии социально-культурных учреждений г. Сталинграда, 1929–1931 // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 473. – Л. 1–142.

24. Стеблев, С. П. Экономика российской повседневности / С. П. Стеблев // Российская повседневность, 1921–1941 : Новые подходы. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 1998. – С. 116–123.

25. Циркулярное письмо горсовета об участии Советов в коллективизации // ГАВО. – Ф. Р-71. – Оп. 1. – Д. 447. – Л. 1–52.

1. *Bor'ba: okr. gazeta*. Stalingrad, 1931–1933.

2. Vypiska iz protokola №3 Prezidiuma Stalingradskogo gorsoveta ot 30.11.1931 g. [Extract from Protocol No. 3 of the Presidium of the Stalingrad City Council of 30.11.1931]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti (GAVO)* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, op. 1, d. 601, l. 10.

3. Vypiski iz protokolov gorsoveta i rajsoveto, protokoly shtaba po sovetskoj trgovle, obshchegorodskoy konferentsii po shirpotrebu i perepiska po organizatsii bazarov i yarmarok [Extracts from the protocols of the City Council and district councils]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 560, l. 1.

4. *Golod v SSSR, 1929–1934 gg.*: v 3 t. [Famine in the USSR. In 3 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya» Publ., 2011–2013, vol. 2, 2012, 907 p., vol. 3, 2013, 955 p.

5. Dudar' L.A. Kartochnaya sistema snabzheniya razlichnyh kategorij naseleniya SSSR v 1928–1934 gg. [Card system of supply of various categories of the population of the USSR in 1928–1934]. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Koncept, the electronic magazine], 2014, vol. 20, pp. 1061–1065. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54476.htm> (accessed 28 December 2020).

6. Ivanov Yu.M. Polozhenie rabochih Rossii v 20-h – nachale 30-h godov [The situation of the workers of Russia in the 20s – early 30s]. *Voprosy istorii*, 1998, iss. 5, pp. 28–43.

7. Informaciya o predvaritel'nyh rezul'tatah proverki stalingradskogo univermaga Torgsina [Information about the preliminary results of the inspection of the Stalingrad department store Torgsin]. *CDNIVO*, f. 71, op. 1, d. 4, l. 93–105.

8. Konyunktornyj obzor sostoyaniya narodnogo hozyajstva i kul'tury Stalingradskogo okruga na 1 polugodie 1929–1930 gg. [Conjunctural review of the state of the national economy and culture of the Stalingrad District for the 1st half of 1929–1930]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 472, l. 1–466.

9. Lunochkin A.V. Prodoval'stvennye krizisy v g. Stalingrade 1926–1927 gg. i gorodskaya vlast' [Food crises in Stalingrad 1926–1927 and the city government]. *XXII Ural'skie sociologicheskie chteniya. Nacional'nye proekty i social'no-ekonomicheskoe razvitie Ural'skogo regiona: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [XXII Ural Sociological Readings: National Projects and socio-economic development of the Ural region. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2020, pp. 32–36.

10. Nefedov S.A. Prodoval'stvennoe potreblenie sovetskikh trudyashchihsya v 1930-e gg. [Food

consumption of Soviet workers in the 1930s]. *Voprosy istorii*, 2012, iss. 12, pp. 71-78.

11. Obrashchenie SNK SSSR, CK VKPb i Centrosoyuza «O potrebitel'skoj kooperacii» ot 10 maya 1931 g. [Appeal of the SNK of the USSR, the Central Committee of the VKPb and the Centrosoyuz "On consumer cooperation" of May 10, 1931]. *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam: sb. dok. T. 2: 1929–1940 gg.* [Decisions of the Party and the Government on economic issues. Vol. 2. 1929–1940]. Moscow, Politizdat, 1967, pp. 301-306.

12. O meropriyatiyah po organizacii snabzheniya rabochih prodovol'stvennymi produktami i promptovarami: Postanovlenie STO SSSR ot 26.01.1930 g. [On measures to organize the supply of workers with food products and manufactured goods. Resolution of the STO of the USSR of 26.01.1930]. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-political History], f. 17, op. 3, d. 776, l. 31–39.

13. Osokina E.A. *Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializacii, 1927–1941.* [Behind the facade of "Stalin's abundance": Distribution and the market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 271 p.

14. *Povolzhskaya pravda: gazeta.* Stalingrad, 1933–1935.

15. Postanovleniya VCIKa i Gorsoveta o perestrojke raboty rabochej kooperacii i obshchestvennogo pitaniya [Resolutions of the Central Executive Committee and the City Council on the Restructuring of the Workers' Cooperation and Public Catering]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 534, l. 37.

16. Postanovleniya, prikazy gorsoveta g. Stalingrada, 1930–1931 gg. [Resolutions, orders of the City Council of Stalingrad. 1930-1931]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 502, l. 13.

17. Postanovleniya Prezidiuma GorKK i kollegii RKI po hozyajstvenno-politicheskim voprosam [Resolutions of the Presidium of City Control

Comission and the Board of Worker-Peasant Inspection on economic and political issues]. *CDNIVO*, f. 24, op. 1, d. 27, l. 1-224.

18. Postanovleniya Soveta truda i oborony o hlebosnabzhenii Nizhne-Volzhsogo kraja na yanvar' 1933 g. [Resolutions of the Council of Labor and Defense on the grain supply of the Lower Volga Region for January 1933]. *GAVO*, f. R-313, op. 1, d. 93, l. 1-2.

19. Postanovlenie CK VKPb ot 01.11.1932 g. «O rasshirenii funkcij zavodoupravlenij v dele snabzheniya rabochih i izmenenii kartochnoj sistemy». [Resolution of the Central Committee of the VKPb of 01.11.1932 "On expanding the functions of plant management in the supply of workers and changing the card system"]. *RGASPI*, f. 17, op. 3, d. 905, l. 33-44.

20. Protokol raboty III gorodskoj Stalingradskoj konferencii VKPb Nizhnevolzhskogo kraja. 17–21.01.1932 g. [Protocol of the III City Stalingrad Conference of the CPSU b of the Lower Volga Region. 17–21. 01. 1932]. *CDNIVO*, f. 71, op. 1, d. 1, l. 215-262.

21. «Sovershenno sekretno»: *Lubyanka-Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934): sb. dok.: v 10 t.* ["Top secret." Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1922–1934)]. Moscow, IRI RAN Publ., 2001–2017, vol. 6, 804 p.; vol. 7, 2004, 772 p.; vol. 8, pt. 2, 2008, 884 p.

22. *Stalingradskaya pravda: gazeta.* Stalingrad, 1935.

23. Statisticheskie svedeniya o sostoyanii social'no-kul'turnyh uchrezhdenij g. Stalingrada. 1929–1931 [Statistical data on the state of social and cultural institutions of Stalingrad. 1929–1931]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 473, l. 1-142.

24. Steblev S.P. *Ekonomika rossijskoj povsednevnosti* [The Economy of Russian Everyday Life]. *Rossijskaya povsednevost'. 1921–1941: Novye podhody* [Russian everyday life. 1921–1941.: new approaches]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUEF, 1998, pp. 116-123.

25. Cirkulyarnoe pis'mo gorsoveta ob uchastii Sovetov v kollektivizacii [Circular letter of the City Soviet on the participation of Soviets in collectivization]. *GAVO*, f. R-71, op. 1, d. 447, l. 1-52.

Information About the Authors

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

Информация об авторах

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>